

Tul_05_027

19.07.2005. г. Тульчин.

Инф.: **Крупник Аркадий Гершкович**, 1933 г.р. Ямполь, в Тульчине с 1956 г.

Соб.: С.Егорова, Ю.Мягкова, М.Трескунов.

[Сторона А]

[периодически интервью заглушается звуками пилы и молотка]

АК: Ну, с чего надо начинать? С самого начала, да?

МТ: Давайте начнем с начала. Вот пускай это будет Ямполь...

ЮМ, СЕ: Как Вас зовут?

АК: Аркадий Гершкович. Крупник Аркадий Гершкович.

ЮМ: Гершкович?

МТ: Это отчество? Значит, папу звали Герш...

АК: Герш звали. Да. Но сейчас уже говорят, что надо было не Гершкович, а Гершович. Ну понимаешь, тогда, при советской власти...

МТ: Не очень разбирались...

АК: ...национальный вопрос был очень такой...

МТ: Да, да... Ну, расскажите нам про то, что было в Ямполе.

АК: Значит, во-первых, мы... маленький городок, во-вторых, мы были все в еврейских семьях, никто по-украински и по-русски не мог говорить, только по-еврейски. Я даже первый класс кончал еврейской школы, в Ямполе была еврейская школа, и я первый класс...

МТ: И там преподавали на идише?

АК: Только на... **аф идиш**. По-другому нет. Было, допустим, русский или украинский языки, но мы тогда, в первом классе, ну мне было тогда 7 лет, что я понимал?

МТ: А кто был папа, кто была мама?

АК: Мама... Папа у меня был жестянщик.

МТ: А это на идише как-то называется?

АК: **Аблэхе**.

МТ: **Аблэхе**.

АК: Вот. А мама была портниха. Нас двое у них, у меня еще сестра есть, Женя.

МТ: Младшая или старшая?

АК: Младшая. По сути дела, мы только на еврейском языке общались. Это сейчас нет, а тогда было понятно, тогда в семье, тогда чисто еврейский городок был, и там все в основном улицы – были целые еврейские семьи, играли все. Ну, когда началась война... Вы это имеете в виду?

МТ: Нет, нам как раз до войны интересно поговорить.

АК: Довоенный период? Ну тогда период знаешь какой был – такой был период выдвигенцев. Знаешь? Одни **(нрзб.)**, других выдвигали. А потом уже моего отца выбрали председателем артели. А была артель...

МТ: Это была еврейская артель?

АК: Да, это еврейская, чисто еврейская артель...

МТ: А у нее было какое-то название?

АК: Вот я не помню. Я не помню, как называется, какое название было, но она... она там все по-еврейски называлась, и что самое интересное – что... ну как тебе объяснить... вам объяснить... что он выдвигенец, он жестянщик, он что - мог руководить? Но он как... вообще, как организатор, он был хороший, ну он выдвигенец... и там собирались и портные, и сапожники, и... все специальности, и в один момент сделали артель, и он был председателем цей артели. Вот. Ну, он показал работу, как говорится, и даже пошел на повышение. Потом захотели его в местные власти, это, ну... такой период был. А мать была домохозяйка, (нрзб.) домохозяйка, у ней дети...

МТ: А Вы не помните, по субботам артель работала?

АК: Не помню. По-моему, что не работала. Дома были, но вообще-то... я не могу сказать точно.

МТ: А вообще шабес дома как-то справлялся? Вот шабес был дома? Там садились за стол... делали...

АК: Не, ну мы соблюдали всё.

МТ: Соблюдали, да?

АК: Всё соблюдали. Но ты ж... тайно. Суббота, юхалы... значит, это всё делалось... Все всё соблюдали, и, допустим, Пасху - всё соблюдалось. Мы знали, да. Или, допустим, надо было всё это готовить – всё по-еврейски готовили, все блюда. Мясные блюда были только чисто *кушер*.

МТ: А где делали... где брали мясо? Был *шойхет*?

АК: Да, *шойхед* был, кур резал, сам он очищал, всё делал сам.

МТ: А как было – мама покупала курицу на рынке, шла к *шойхету*...

АК: Да, она покупала курицу и приносила...

МТ: А Вас посылали к *шойхету*? Вы ходили к *шойхету*?

АК: Мы? Ну я не помню, мне 7 лет было, что я могу помнить? Ну я знаю, за мамой ходил, *руку водил* (?), я знаю всё такое... ну я видел, этот процесс я видел, как он чистил, и как кровь сливал, и подвешивал куры, и всё это...

МТ: А где *шойхед* жил?

АК: У него был свой дом на этой же нашей улице, вот это была Пушкинская... в общем, полгорода было евреи.

МТ: А по-еврейски как-то называлась ваша улица? Было какое-то еврейское название?

АК: Я не помню. Не запомнил это.

МТ: И все *а иден* вот так брали куриц и шли...

АК: Ну все, все.

МТ: Один *шойхет* был в городе? Или были два?

АК: По-моему, два было.

МТ: А как звали *шойхета*, не помните?

АК: Ну это я не запомнил, такие вещи... Многие вещи не запомнились, ну что ты хочешь, 7 лет – что там можно запомнить? Ну что тебе... Мы кончали еврейскую школу, значит, соблюдался... если была еврейская школа, соблюдался весь порядок.

МТ: Да? А что там учили? Были какие-то... предметы по традиции?

АК: предметы... Что в первом классе можно учить? Учили буквы.
Читать, читать...
МТ: Ну, не знаю... **Хумеш**... что такое **хумеш**, знаете?
АК: **Хумус**?
МТ: **Хумеш**... ну, Пятикнижие по-русски?
АК: Мы это дальше не проходили. Нам рассказывали, но что мы понимали? Давай говорить откровенно. Нас учили, чтобы мы читали. Я мог читать еврейские книги. Сейчас уже все это забыл.
МТ: По-еврейски – **аф идиш** или...?
АК: **Аф идиш, аф идиш**. Но буквы-то... понимаешь? **Олеф, бет** – я запомнил, а как они пишутся...
МТ: Мы Вас научим (смеется)
АК: Да ну, что ты научишь... время... Не время для учебы, для обучения...
МТ: А вот скажите, вот по поводу шойхеда – значит, шойхед резал, значит, мама брала курицу...
АК: Нет, мы ходили к нему.
МТ: Ну да. Значит, мама брала курицу домой, и потом что?
АК: Приходили к нему, ему давали, и бывало так, что много людей собирается, и ему оставляли, он резал, потом отдавал...
МТ: А потом что мама делала с курицей с этой, которую уже зарезали?
АК: Я ж то не наблюдал.
МТ: Не помните, что она... высаливала?
АК: Может быть, во всяком случае, все было очень вкусно, чисто еврейская еда. Соблюдалось это все. И мама ее научила, и... Тем более, что мама... моя мать была сирота, потому что все ее родня – у нее было четверо сестер, и все уехали, все жили в Аргентине. Уехали в 18м году, и она одна осталась. Вот. Что еще рассказать?
МТ: Расскажите, что Вы помните про праздники еврейские.
АК: Ну я тебе говорю, что все праздники соблюдались.
МТ: Ну какие Вы знаете праздники?
АК: Ну какие праздники – примерно то, что и сейчас, те праздники были и тогда. Но я не мог запомнить, как они называются, но я просто слышал, все соблюдали (**нрзб.**), понимаешь? Каждый праздник имел свою пищу, и это запоминалось, потому что до этого никто ж не употреблял эту пищу, только приходил, допустим, праздник, какой-то такой, где сладкое подавали, где праздник как-то вот называется... веселый весен... осенний праздник, Новый год...
МТ: О, вот расскажите, на Новый год что у вас готовили?
АК: Я не помню. Сладкое, эти вот, треугольнички... ну разное все это. Мы ж до этого не употребляли, только на праздники давали, вот поэтому праздники запоминались для детей.
МТ: А Вы не помните, папа у вас... вот есть такой обычай – перед **рош ашуна** ходить на могилы? Было такое у вас? Папа вас брал?
АК: Конечно.

МТ: А не помните, на какие могилы ходили – на родственников, или там был какой-то цадик похоронен?

АК: Ну, у нас было отдельное еврейское кладбище. Мы ходили только на то кладбище, на другие не ходили. А что там соблюдалось, я не помню.

МТ: А что там делали, когда ходили на кладбище?

АК: Даже не вспомню. Не скажу, потому что я не знаю. Это сейчас уже можно... научили, уже знаешь...

МТ: А вот скажите, на Йом Кипур постились?

АК: На что?

МТ: На Йом Киппер.

АК: На Йом Киппер... А как же? Все.

МТ: Все постились?

АК: Да.

МТ: Вот Вам сколько тогда было? Вам было 7 лет, да?

АК: Да.

МТ: Ваш папа уже говорил, что надо поститься?

АК: Мой папа уже был тогда коммунистом. Понимаешь, это ж было всё прижато... Но это соблюдалось все равно, и он то же самое в Йом Киппер не ел, все как положено. Но что ты можешь? Ну есть, ну...

МТ: А синагога была?

АК: Да, была синагога. В Ямполье была синагога.

МТ: Ходили в синагогу?

АК: Да, ходили.

МТ: Папа боялся ходить?

АК: Папа боялся ходить. Мы все ходили.

МТ: Вы ходили?

АК: Мы ходили, потому что мама ходила, весь город, ну, весь город ходил туда, потому что... ты же понимаешь, там же только мужчины заходили, а женщины только на улице ходили, а дети где хотели... Это был большой дом, примерно такой вот, как эта вот, двухэтажный, чисто один зал, ну... там, как это... стол, где он выступал, все ходили в этих самых...

МТ: в галосах...

АК: Да, в галосах, с (книжками??). Это я запомнил.

МТ: А вот не помните такого, что взрослые просили детей принести им стульчик или что-то такое, или отнести как... сидр вот на праздник, потому что взрослым нельзя носить...

АК: Да, дети носили.

МТ: Было такое?

АК: Было такое.

МТ: А Вас просила мама что-то отнести?

АК: Я не помню. Ну... все дети ходили, и мы ж тоже ходили. Тут не может быть, чтобы отдельно держался... Чего это он несет, а я нет?

МТ: Но Вы помните такое, да, что вот дети носили?

АК: Да.

МТ: Для взрослых?

АК: Заносили, да. Я ж тебе говорю, я объясняю - женщины на улице были, а мужчины были в середине.

МТ: А не помните, откуда вы знали, что Йом Киппер закончился?

АК: Откуда знали, ну как... Давали мне уже кушать, значит, я считал, что уже все. И даже все равно, детей же полностью нет... Допустим, до обеда... до обеда у них, после обеда, уже часа в три, все равно давали кушать детям.

МТ: Ну, потому что маленькие еще.

АК: Ну да, маленькие дети были, да.

МТ: А вот Вы не помните, вот мы слышали, что какой-то такой звук обозначал, что...

АК: Закончено.

МТ: Да?

АК: Дудка це играла. Да. Дудка це играла.

МТ: А что это? А как называется эта дудка?

АК: Вот я не знаю.

МТ: Шойфер?

АК: Ше... да-да-да, шойфер, да.

МТ: Трубили, да?

АК: Трубили, да, об окончании, да, все да. Это да, это соблюдалось. Если только начиналось веселье, движение – значит – всё, закончилось (нрзб.), можно уже приступать... Мы просто наблюдали за старшими.

МТ: А вот есть еще такой весенний праздник - Суккес. Знаете? Сикес...

АК: Суккес. Да.

МТ: Суккес или Сикес его называют... Вот что у вас было на этот праздник, что Вы помните из того времени?

АК: Не помню ничего. Вот если б ты не напомнил бы, я бы... оно просто в голове не держится, потому что мы... если бы мы об этом говорили, так оно бы запомнилось, а так чё... Я ж говорю, я по-еврейски... а после войны мы перешли на русский язык, забыли вообще все еврейский. Людей было меньше, все говорили по-русски. Понимаешь?

МТ: А не помните, у вас дома был такой шалаш, или был только в синагоге? Был такой, может, во дворе, или на крыльце такой шалаш?

АК: Ну, насколько я помню, это было, по-моему... Объединялось 2-3 дома, ну, дети, и строили для того, чтобы это был как праздник.

МТ: Как бы во дворе между домами? И несколько семей...

АК: Да, меж домами. Я ж говорю, что была чисто еврейская улица, русских никто не жил, только евреи.

МТ: А не помните, как-то украшали вот эти шалаши?

АК: Ну, как уже сейчас Зелэни свято, будем говорить. Ну украшения были.

МТ: Какие?

АК: Это летний, по-моему, праздник.

МТ: Это... ну, это осень.

АК: Да, вот. Да. Украшался.

MT: А как украшали?

AK: Я не помню.

MT: Не было такого, что дети играли что-то, может быть?

AK: Не помню. Ну, в голове этого ж не было – дети, ну что такое, 7 лет... У меня сейчас внуку 7 лет, он... он запоминает, но надолго ли?

MT: А сестра младше Вас, да? Вот Вы помните, наверное, когда мама ее носила, когда была беременная, помните этот момент? А на сколько она Вас младше?

AK: Она с 36го года, я с 33го. Три года.

MT: То есть Вам было три года, Вы мало что запомнили...

AK: Да это тоже был такой период, тоже недостатки были, знаешь... заботы были, за нами мало кто смотрел. И более период такой был, 33й – 37й годы, мы хоть не понимали, это мы сейчас это понимаем, а тогда тоже приходили домой, тихо разговаривали... Тем более уже отец уже как был пошел выдвигенцем, все боялись... это не так просто.

MT: Конечно.

AK: Это сейчас можно вспоминать.

MT: Ну а помните, как сестра родилась, что-то праздновали это как-то? Вот как было? Не запомнили?

AK: Я запомнил только, когда мальчик родился, тогда был праздник. А когда девочка...

MT: А вот про мальчика расскажите, может, Вас приглашали...

AK: Ну как же, там такой праздник был, когда обрезание было. Вот это был праздник. Собирались, как будто день рождения отмечали, всё... Мы ж не понимали, где... я видел только, как чужие пацаны, я ж не помню...

MT: Расскажите, знаете, есть такой обычай, что когда мальчик рождается, мальчиков с улицы зовут в дом. Вас звали когда-нибудь так?

AK: Конечно.

MT: Вот расскажите. Что-то давали вам, угощали как-то?

AK: Угощали.

MT: Как вот это все называется, что угощают?

AK: Не помню.

MT: А вы что-то должны были сказать, или просто прийти, получить угощение и уйти? Что-то должны были сделать или сказать?

AK: Я не помню. Я знаю, что угощали. Ну дети... ты понимаешь, не запоминаются такие вещи... Тем более, что период, время такое пришло... это не так просто.

MT: А там был раввин какой-то? Как вот было?

AK: Да.

MT: Не помните, как звали?

AK: Нет.

MT: Он рядом с вами жил?

AK: Ну, на этой улице. Это большая улица, улица Пушкина, она...

MT: А в чем выражалось то, что он раввин? К нему ходили с вопросами, он молитву вел...

АК: Ну, у нас же синагога ж была. Понимаешь... потом он как бы судьёй был. Он как бы судьёй был. Насколько я помню, к нему ходили...

МТ: А как вы его называли?

АК: Ребе.

МТ: А не помните имя?

АК: Вот не помню. Я тебе скажу такую вещь - когда дети болели... этот момент я запомнил, потому что у меня два имени. Понимаешь? Давали нам два... ходили к нему... Когда ребенок болел, так его... лечение, конечно, не сейчас такое... сейчас-то... тогда было традиционное еврейское. Если ты болеешь, тебя надо передать в другую семью, ребенка, и новая мама – считалось, ну как бы – должна дать ему другое имя, его называли по этому имени, чтоб то имя определяло его здоровье. Может быть, ему дали имя, которое не соответствует, и он поэтому болеет. Ну, такая традиция. Поэтому давали два имени. И вот у моего отца два имени, у матери... **Марья Мэтья** в румынском... такая традиция. А потом так и записано было метрически **Марья Мэтья** в румынском. Я вот тоже потом интересовался – как же так, что у тебя два имени? Тебя зовут Майя, а называют **Марья Мэтья**. Она рассказывала, что вот я болела, вот... я была дома с родителями, меня отдали в другую семью, мне дали новое имя, значит, это все записывал ребе, заходил, записывал это все дело, чтобы все было официально, чтобы это с молитвой...

МТ: А что значит - передавали в другую семью? Вот ребенок болеет, у него есть родители. И что? Его надо отдать как...

АК: Нет, это ж выбирали... многосемейных, многосемейных. Ну, тогда вообще было по пятеро детей, по шестеро детей. Именно в такие семьи передавали детей. Не в одиноких... если там, допустим, он, она и ребенок – туда не передавали детей. Только передавали детей, где много, чтобы как бы сила всех детей ему передавалась, понимаешь, насколько я понимаю это. И вот это месяц, два, три он там жил, и новым именем называли, и все остальное.

МТ: А вот помните игры, в которые вы играли?

АК: Я только помню после войны. После войны мы играли в то, что сейчас называется американский футбол. Это такие были мячик и палка и били по тому мячику. Оно называлось как... палки-цюрки, шось таким образом... потому что мы уже по-украински и по-русски, не по-еврейски говорили. А тогда мячей же не было, подкидывали – почему палки-цюрки – подкидывали, значит, такой... вот такую штуку подкидывали деревянную, а другой палкой надо было попасть, и чтобы она летела, и вот кто быстрее добежит... Ну вот точно как сейчас американский футбол. И вот это игра была.

МТ: А какие-то еще игры?

АК: Игры были, еще много было игр, ну, понимаешь, вот это массовая игра, она запомнилась. А игры, детские игры, что там...

МТ: В ножички играли?

АК: В ножички играли.

MT: Как это называлось?

AK: По-еврейски?

MT: Да.

AK: Ну вот я уже не помню.

MT: А как играли? В чем игра была?

AK: Играли, допустим, надо было, чтобы попал острым концом в землю. Делали круг, попадаешь в песок и отрезаешь себе от этого круга, а потом, значит, если попал еще раз... покамест ты весь круг... Если у тебя ножик не попал острым, всё – ты выходишь, следующий приступает, и кто больше выиграет, как говорится, этой земли – тот и выиграл. Это ж тренировались, не так просто – мы ж ходили, чтобы он попал. Кинул нож – и чтобы он острием попал.

MT: А в каштаны играли? Была такая игра?

AK: Вот так вот клали пальцы, каштан вот так... высыпал эти... каштаны... А каштанов-то не было, мы камушки, вот так вот выкидывали сюда камушки, 5-6 штук, и одну штуку в руке, ты должен быть подкинуть одну штуку и загнать из этих камушек или каштан сюда загнать. Вот я это кинул и должен был подкинуть. Тогда считалось – я выиграл. А если я не мог, всё, не попал – значит, следующий играет.

MT: А это как называлось?

AK: Я не помню.

MT: А это и русские де... и украинские дети, и еврейские играли? Или в основном еврейские?

AK: Нет, я ж тебе говорю, что... не было, допустим... мы тогда еще не понимали...

ЮМ: Жили другие народы, но вы с ними не общались?

AK: Общались с ними, но... понимаешь, вся улица еврейская, других не было. Это потом, когда мы уже после войны пошли в школу общеобразовательную, тогда уже там все дети были разные. А мы же языка не знали, для нас была двойная нагрузка. Мы как бы учили новый иностранный язык. Если я, допустим, встречался с украинскими детьми, я разговариваю по-еврейски, а он по-украински, мы один другого не понимали. Это не просто так, это сейчас мы осознаем, а тогда... (нрзб.) тогда не общались, тогда не было... на этой улице мы были, по сути дела, полгорода были евреи.

MT: А вот еще была такая игра, что нужно в ямки загонять?

AK: Да, было. Ну, была ямка посередине, мы отходили на 5-6 метров... ну, конечно, денег у нас не было, мы на камушки играли, мы выбирали специальные камушки, чтоб они были плоские, (нрзб.) такие, как с (нрзб.) вынимают, и вот кидали. Кто попадал в ямку сразу, тот и выигрывал, а кто не попадал, допустим, 10 сантиметров, 20 сантиметров, он должен был загнать пальцем.

MT: А вот название тоже не помните, да?

АК: Ну... камушки, как они называются... не помню, как они назывались. Саму игру я помню. Были еще... еще были игры, такие, тоже с камушками...

МТ: А были такие игры, в которые вы играли именно в какой-то вот... на праздник, например...

АК: Нам какая была разница? Праздник, не праздник... Если мы собирались, и мы хотели играть – мы играли. При чем тут праздник? На праздник нас одевали красиво, мы боялись запачкаться, чтоб не дай бог... Ну, мама там погладила штанишки, допустим, новые... хотя не было нового, но все-таки чисто. Не дай бог, чтоб кто-то запачкался.

МТ: А вот вас учили, что когда вы идете на праздник в синагогу, надо как-то взрослым что-то говорить, как-то их приветствовать?

АК: Конечно, учили.

МТ: А что надо было говорить?

АК: Я не помню... нас же учили: вот тыходишь, стоят люди, ты должен сказать – так и так, вот чисто на еврейском языке. М-м... ну поздороваться, как это по-еврейски будет... Вот... забыл.

ЮМ: Шолом алейхем?

АК: Я не общаюсь, если б я общался... Нет, не шолом алейхем.

МТ: А гут йомтев?

АК: Да, а гут йомтев! И еще поздороваться, я забыл, как нас учили...

МТ: А вот скажите, Вы же мальчишкой были – купались, наверное, где-то?

АК: Конечно.

МТ: А вот было какое-то время, когда уже нельзя было купаться? Вот после чего нельзя купаться?

АК: Да...

МТ: Это было как-то с праздником связано? после чего нельзя купаться?

АК: Ты понимаешь, какая штука – нас же самих не пускали, наши родители никого не пускали одних. У нас же Днестр там, большая река. Вот. Нас одних не пускали, мы шли с родителями, как положено. Это уже после войны, когда можно стало ходить, мы уже сами ходили. Я там и научился плавать, и все, а как же.

МТ: Ну не помните вот какой-то момент, когда уже не купаются?

АК: Родители нас не пускали, это надо было... всё, (нрзб.), без разговоров. Дисциплина была очень крепкая. Самовольства никакого не было. Вот это я запомнил, что самовольства никакого. Мы сейчас говорим, что... да, лупили. Сказала, что нет – то нет! без разговоров!

МТ: А как наказывали, если не послушался?

АК: Ну как наказывали... по одному месту!

МТ: А были какие-то такие наказания, что ставили на горох?

АК: Нет.

МТ: В угол ставили...

МТ: В угол да. В угол ставили, так (нрзб.) по заднице, и всё. Понятно – болезненно, ты и слушаешься.

МТ: А вот не помните, Вам ногти стригли?

АК: Ногти?

МТ: Кто Вам стриг ногти? Мама ногти стригла?

АК: Ну конечно, а кто?

МТ: Не помните, как она стригла? Она подряд стригла, или сначала вот этот палец, потом этот... Не помните?

АК: Такой случай – да, был. Но какой порядок...

МТ: Порядок не помните. А с ногтями надо было сделать? Вот которые отстригли?

АК: Их нельзя было так накидать. Надо было собрать в одно место и выкинуть где-то в мусор. Отдельно. Все ногти должны были сохраниться. Я не знаю, почему. Ну, говорят, что потом, когда человек умирает, то ходит их собирает. Вот такое было условие. Вот если ты, допустим, ногти почисти... выкинул – там, там, там - их нельзя выкидывать, они должны быть вместе. Потому что оно... вот, знаешь, дети, почему так – отгрызли, вот, значит, надо... любят дети - отгрызли и выкинули. Она говорит: нет, нельзя, потому что, когда ты умрешь, ты будешь ходить по всему миру, будешь искать свои ногти. Это твое продолжение. Ну такое... такое было выражение.

МТ: А вот не помните... знаете, что такое *айнора*?

АК: Что-то я припоминаю, но чтобы точно...

МТ: Это сглаз.

АК: Сглаз?

МТ: Сглаз. Ну вот если кто-то плохо посмотрел. Особенно вот на маленьких детей, вот у Вас сестра появилась маленькая... Вот что надо делать, если кто-то... чтобы не было сглаза? Не помните?

АК: Как-то не помню. Ну, оно мне не встречалось... Я тебе скажу, это все воспоминания примерно до... до 50го года. Потом уже всё оно отошло, и...

МТ: А вот маца была?

АК: Да. Каждый год.

МТ: А где брали?

АК: Сами пекли.

МТ: Сами пекли? Вот расскажите, Вы, наверное, помните. Помогали?

АК: До войны пекли в синагоге...

ЮМ: На всех?

АК: да, специально, но тоже самодельная.

МТ: Скажите, вот как было: каждая семья приходила себе пекла, или кто-то пек и продавал?

АК: Кто-то пек и продавал. А кто не имел возможности, там от возможности зависит, там, денег нету, то потом он себе... В каждом доме была печка, русская печь, и там пекли. Я знаю, что... После войны же уже синагоги не было, пекли каждый в своем доме, каждый сам себе.

МТ: А до войны пекли в синагоге.

АК: Да.

ЮМ: А печка русская как называлась на идише? Ойван ее не называли?

АК: Ойван, да. Все правильно.

МТ: А вот видели когда-нибудь, как пекут мацу? В синагоге как пекли?

АК: Ну да.

МТ: Помогали там?

АК: Ну это ж машинка была, директор был... больше (нрзб.) ту мацу, раскатать ее тонко, а потом надо было...

МТ: Как это называлось?

АК: ...еще я запомнил, что вот эти иголки, что делали... из часов вынимали это колесико, одевали, и этим колесиком... это делали (нрзб.), потому что качнешь его, надо же аккуратно, раз – сорвал, а что-то делаешь, ну... (нрзб.) я запомнил, потому что мне понравились колесико.

МТ: А это вот вообще детей звали, да? вот так катать?

АК: Я тебе скажу, что не звали, но просто не было куда девать, надо около себя их держать.

МТ: А мама пекла, да?

АК: Ну а как же?

МТ: С мамой приходили?

АК: Понимаешь, собиралось, допустим, 2-3 семьи, вместе делали, но каждый из своей муки делал, но это послевоенный период же, а тогда... тогда делали в синагоге,

МТ: А после войны – расскажите, как было?

АК: А после войны – так я ж тебе говорю, собирались 2-3 семьи, в одной печке... печь разогрел... это ж работа, не то что взял и кинул, надо чтоб она не сгорела, надо было выйти вовремя, это...

МТ: А как ее там ставили, эту мацу, чтобы она пеклась – на сковородку какую-то, как это было?

АК: Ни на какую не сковородку.

МТ: Ну расскажите.

АК: На чистом (цирине). Знаешь, что такое чирин?

МТ: Нет.

АК: Внутри печки плоскость, выложена из камней. Их сначала накаляли и огонь весь передвигали в одну сторону.

МТ: Угли, да?

АК: Угли. Угли и огонь. Огонь горел, огонь обязательно горел. Это горит, потому что надо ж поддерживать, это ж не на 5 минут, это на 3-4 часа, пока выпечешь. Отодвигали в сторону, (нрзб.), готовое, значит, положили на лопатку деревянную, туда заносили и скидывали, на чистый черен. Ну она ж пока... 3-4 штуки кинешь, они ж быстро там пекутся. Вот. И потом вытягивали, то же самое. Они, конечно, не были...

МТ: А куда складывали?

АК: Потом складывали... специальные были плетёные... эти самые... сумки. Ну, сумка она называется.

МТ: Из чего?

МТ: Плетёнки были сделаны, из дерева. Из дерева, с лозы. Большие такие. Вот, и туда складывали, аккуратно, чтоб не поломалось, потому что

оно ж **выкрашено**. Тем более, если в печках, они ровные уже не были. Они где-то сгибались, где-то, понимаешь...

МТ: А какой формы маца была?

АК: Круглая.

МТ: Круглая?

АК: Да. Взял кусок, раскатал очень тонко, и всё.

МТ: И это только на Пейсах пекли, или и так, когда захочется.

АК: Так тоже пекли, потому что пользовались печкой постоянно.

Потому что **(нрзб.)** тогда мало было. Там и хлеб пекли, всё сами делали в этой печке. А надо было, когда, допустим, на субботу, кто-то хотел мацу, - он делал эту мацу, штук 30-40 сделает мацу, **мондалэх**, всё это делали...

МТ: Из мацы...

АК: **(нрзб.)** до бульона делали, **мондалэх**, это ж тоже всё пекти, все должно быть сделано...

МТ: А не помните, как-то вот эта маца, которую пекут не на Пейсах, - она как-то отличалась, может быть, добавляли туда что-то, кроме воды.

АК: Нет. Нет. Все так само. Так само. Вкус... да. Даже сейчас я вот каждый год беру мацу – как иногда, иногда хорошая, иногда нет. Все равно же вкусовые качества...

МТ: А сейчас Вы где берете мацу?

АК: А мы заказываем, нам привозят. Она мне пишет, что с Израиля, ну... не знаю, может быть, оно так и есть. Ну обычно с Днепропетровска нам возят.

МТ: Ну да, я знаю, там пекут.

АК: Да.

МТ: Тоже такая круглая?

АК: Нет, квадратная. Квадратная, упакованная, всё. Тонкая, вся один в один. Но по вкусовым качествам есть разная. Это, может быть, в разных местах пекут, и разная вода для теста. И это вкусовые качества касается. Я тебе скажу, что я вот воду пью в Тульчине, я привык в Виннице пить, и не такая вода. Привычка! Может быть, это то же самое, но...

[работает бензопила, разговор не слышен]

АК: ... сказать. Хонеки. Да. И сейчас это продолжается.

МТ: Да, вы даете?

АК: Ну а как же. У меня трое детей, четыре внука, два правнука, так что... как же, приходится, без разговоров. Это запоминается. Две разные вещи, что тогда, и что сейчас. Сейчас они не считают, что... они там кинули 20 рублей – это не деньги. А тогда были... дали копейку – это ж не давали рубли, а давали копейку, это ж были большие деньги. Можно было пойти там за 3 копейки воды выпить, это ж аппетит был.

МТ: А кто должен был дать? Только родители или каждый родственник?

АК: Каж... Кто хочет. С родственников – да. Даже чужой человек тоже мог дать.

МТ: А как дети себя вели? Дети подходили, просили?

АК: Нет.

MT: А как было?

AK: Этот сам давал. Но они знали, что должны давать деньги. Такие разговоры и тому подобное: завтра будут у нас деньги, принесут, дадут... А родственников... тоже считай, что вся улица – это родственники одни были. Каждый приходит: ну как ты – там, по имени – на тебе, это вот... Хонеки – на тебе... все дети – он должен всем дать. Не одному дать, а всем, сколько есть детей – всем должен был дать.

MT: И что делали с деньгами?

AK: Дети – что хотели, то сами делали. Это ихний праздник был. Это они имели деньги. А так же денег...

MT: А скажите, была такая вот на Хонеки, была такая игра, что крутили что-то?

AK: Юлу? Да.

MT: Юлу, да? И как играли в это?

AK: Ну, не помню.

ЮМ: Но была у Вас юла?

MT: Была, да?

AK: Да.

MT: А какая – вот именно юла, или...

AK: Не, не такая. Самокрутка.

MT: А как называли, не помните?

AK: Не помню.

MT: Ну такое дрэйвел – слышали?

AK: Дрэйвел. Да, дрэйвел, да, дер дрэйвел это называлось. Ну ее по-разному делали. Разные делали. Один, допустим, как в магазине можно купить – нет. Это все самоделки были.

MT: Самоделки? А из чего?

AK: Из глины делали. Ну... эти вот уже покупали на базаре, готовые. А так делали деревянные.

MT: А на базаре можно было купить?

AK: Ну да. Они ж тоже знали. Это как сейчас, допустим, бизнес, там тоже – а, праздник наступает, значит, должны быть как бы подарки. Ну.

MT: То есть на рынке можно было купить?

AK: Да.

MT: А что-то было написано там, на... какие-то буквы были?

AK: Не помню.

MT: И правила не помните игры?

AK: И правил не помню.

MT: А на что играли? На деньги или на что-то другое?

AK: Какие деньги? могли играть, что ты мне пирожок принесешь. Ну, чисто продуктовые запросы. Или, конфету, знаешь, дома там есть конфеты, хотя конфеты тоже были в дефиците. Это не просто так. Я вот сейчас смотрю американские фильмы: ой, торт принесли! Такая радость, что торт принесли. Понимаешь? А у нас такая радость была именно в то время. Вот когда, допустим, сладкое что-нибудь давали, это считался праздник, потому что

сладкое. А так же нет. Я тебе говорю: смотришь кино - ой, торт принесли! Ну, подумаешь, торт. (нрзб.) Торт – это обыкновенное явление. А не было никакого торта, резали кусочек...

МТ: Скажите, а было такое, что дети... ну вот если был какой-то там, может, на улице набожный старик, иногда его пугали.

АК: Кого? Я не понял, еще разок.

МТ: Если на улице был набожный старик жил, то иногда его пугали, там, в окна ему стучали. [раздается стук молотка] Хулиганили так?

АК: Вот до войны нет.

МТ: А после?

АК: А после войны были случаи. После войны просто, знаешь как, уже... Война поменяла сознание многих людей, понимаешь? И по-разному относились. Если, допустим, дружба была до войны была очень большая, то после войны уже, знаешь, так... кого-то напугать, какую-то пакость сделать...

МТ: Ну это просто хулиганили?

АК: Да, хулиганили, стучали в окна.

МТ: А вот именно... вот просто там старик, старуха – неважно, или вот это должен был быть какой-то... ну желательно, чтобы такой набожный был человек, чтобы он подумал, что это ему бог стучит?

АК: Что бог стучит?

МТ: Да.

АК: Ну, это детям объясняли, что это ангел прилетел.

МТ: А что это детям объясняли?

АК: Ну а как же, чтобы их не пугать. Ну скажешь, что кто-то хулиганит, он же будет пугаться, будет бояться оставаться, а здесь же ангел, значит, это добрый, это хороший... Ну как, понятное дело. Детей не пугали.

МТ: Не было такого, что детей пугали?

АК: Я могу знать... я за себя говорю. Нет. Никогда. Никогда не пугали.

МТ: Ну если ребенок, например, маленький не ложится спать, ему что-то говорят такое, чтобы испугался и лег.

АК: Я тебе скажу, что воспитание в этом отношении у евреев намного выше, никогда детей не пугали. Не пугали детей. Это от сознания. Поэтому дети... еврейские дети растут добрыми, благоприятные, они никогда не (нрзб.) Почему – потому что их никогда не пугали, они не знают, что это такое. А когда... ну, если в семье, допустим, пугают кого-нибудь, ребенок вырастает пугливым, злобным, это не... у них никого в еврейских семьях, все вырастали... Поэтому говорят, вот они (нрзб.), они не защищаются, они не бьются ни с кем, хотя меж собой очень бились, между собой. Да, бились, но злости такой не было, не воспитывали, я говорю, до войны особенно, и послевоенный период, примерно до 50го года тоже не было. Потом начали разъезжаться, уходить, это...

МТ: А вот когда ложились спать, мама бывало, что там сказку расскажет?

АК: Конечно.

МТ: А помните хоть одну?

АК: Бабушка рассказывала. Такие сказки рассказывала, что я до сих пор их запомнил. До сих пор!

МТ, ЮМ, СЕ: Расскажите!

АК: Ну, очень немножко расскажу. Вот жила... вот она рассказывала, вот такие бывают, вот люди богатые, есть бедные. Вот жила бедная семья, у него трое дочек, три дочки, и вот эти три дочки выросли, их надо было женить. А для того, чтобы выдать замуж девушку, (нрзб.), надо было давать большой калым. Деньги.

МТ: А как это называется по-еврейски.

АК: Я не помню. Ну я вот по-русски так... не калым, а, одним словом, выдать замуж – это значит семье погореть. Даже если там отец бы там собрал бы всё (нрзб.) и выдал дочку замуж, как бы ее не продать, а обеспечить ее... он должен обеспечить прожиточный минимум ее. Ну, это зависит от жениха, по любви мало женились, и то это было запрещено – раз ты выходишь замуж, значит, мужчина тебе... ты должна обеспечить мужчину (нрзб.). Она рассказывала: вот он сидел и думал, ну что делать? В это время проезжал царь Соломон. Она... как она говорит - проезжал царь Соломон. Ну, он его... проезжает, он спрашивает: «Ну как ты живешь? Хаим, как ты живешь? У тебя трое детей...» Он говорит: «Ой...» – «Ты уже погорел?» Он говорит: «Да, я уже раз горел, и теперь не знаю, что мне делать».

МТ: Еще осталось две дочки...

АК: Подожди, дослушай до конца. Потом говорит: «А что, ты еще должен погореть?» Он говорит: «Да, я еще два раза должен сгореть, и вот я не знаю, как мне выйти из этого положения». Он говорит: «Да ты не переживай, я пришлю тебе петуха, ты его хорошо обскубай, и ты будешь обеспечен». И они уехали. А он, царь Соломон, с ним ехал премьер-министр его, визир его, помощник его, он всё то слушал, и он говорит: «О чем ты с ним говоришь, ты ж ничего... ничего общего, ничего интересного... что ты его спросил за какие-то вещи?» Он говорит: «Вот когда ты мне ответишь в течение месяца, что я с ним разговаривал, ты останешься премьер, если нет – я тебе отрублю голову». Ну а тот же хочет жить. Вот он крутится, вертится, рыдает, собрал всех – никто не может сказать, о чем же был разговор. Он приезжает к этому... к этому еврею и говорит: «Так и так, я от царя приехал к тебе, хочу знать, о чем ты с ним говорил. Ну, расскажи мне, я тебя отблагодарю, любую сумму, что ты хочешь, я тебе дам любые деньги». Он говорит: «Я хочу такую-такую сумму, я тебе расскажу». Он говорит: «Хорошо». И он ему говорит: «Чего он тебя спросил, что ты уже горел или не горел – да, я горел. Что?» – «Я выдал первую дочь замуж, и сгорел, потому что все мои сбережения ушли» – «А что ты еще должен два раза гореть?» Он говорит: «У меня еще есть две дочки, я их тоже должен выдать замуж». Он говорит: «Вот теперь мне понятно. А что значит - я тебе пришлю петуха, а ты его хорошо обскубай?» «Петух, – говорит, – это ты, я должен тебя обскубать... вот я тебя обскубал – ты мне дал деньги – я вот на эти деньги должен выйти замуж... женить своих дочек».

МТ: А еще вспомните...

АК: Там много есть... там много есть вот связаны, сказка такая, примерно, что... вот это даже мне иногда так кажется, что эта сказка связана с Иисусом Христом, понимаешь? Вот тоже жила бедная семья, вот, и вдруг прилетел к ней ангел и говорит ей, что так и так, что бог хочет иметь с тобой... он тебя очень уважает и хочет тебя возвысить, и тому подобное, вы бедные, вы детей не имеете. Он тебе посылает ребенка, но ты его будешь рожать не как женщина, а с мизинца ты родишь этого ребенка. Только никто не должен видеть, когда это будет происходить – это сон ей снится такой. Ну, бабушка рассказывала, она ж то аф идиш, долго, это я просто выбираю основу. И она родила. А муж разозлился, что как это так? Он знает, что они детей не имеют, и что... откуда она родила? значит, она, как говорится... она пошла, нашла другого мужа и тайно это делала. Ну это тогда считалось большим преступлением, голову отрубывали. И он поднял тоже шум, что так и так, это не мой ребенок и тому подобное, и он ее выгнал... из дому, всё. Выгнал из дому, и она с этим ребенком ходит, вот. И она ходит, ну, конечно, там, ходит, просит, значит, ей (нрзб.) подают, ну, на пропитание, она ходит в лохмотьях... А мальчик этот растет на глазах – это был мальчик – на глазах растет. И он уже в три года знал всю Тору, в три года, все мог говорить, с каждым объяснялся, и всем это очень нравилось. Он идет, он начинает говорить, рассказывать, всё... допустим, Тору все не могут знать, не знают все притчи, не знают всё... а он всё это знал. И вот он всё это рассказывает, и его начали как бы возносить. Ну а бабушка же рассказывала аф идиш – значит, он уже в три года уже умел читать, уже он всё прочитал, – это воспитательное, это воспитание – видите, она говорит, а вам уже, слава богу... а, слава богу, вам уже по 7-8 лет, а вы еще читать не умеете! (смеются) Знаешь, как это... И она уже, когда... тогда же не было, допустим, телевизора, она рассказывала, а люди собирались, им же было интересно послушать, вот рассказывала... Понимаешь, она с таким интересом рассказывала, что мы сидели и, уши поразвешав, слушали. Вот, люди собирались: (нрзб.) что вы слушаете этого сопляка, что вы понимаете, да... ну сколько ему там – 3 года или 4 года, а он уже то всё рассказывает – это же неправда! А читали-то, не все умели, она говорит – читать не все умеют, то, что он послушал – то он считает за истину. Если бы он мог бы проверить, почитав, что это всё ложь – нет, он же не может. Вот в Торе написано... он же не рассказывал, что в Торе написано, – он рассказывал притчу. Только так. Вот, говорит, например, вот такая притча, вот... вот есть Соломонова такая притча...

МТ: А вот эта сказка закончилась? Что в три года... Чем там закончилось-то?

АК: Он до 30-ти лет, до 30-ти лет... (нрзб.) а потом он сказал: «Я ухожу!», это сказка. Ну, за ним толпы, его было приятно слушать. Это сейчас можно по телевизору посмотреть, радио послушать, - тогда же не было! Вот один кто-то говорит интересно – за ним идут и слушают, потому что потом они пойдут рассказывать другим!

МТ: Так. И что в 30-ть лет?

АК: И в 30-ть лет он ушел и сказал: «Всё, я ухожу», и... он говорит: вот, больше ему жить на земле нельзя, и он улетел. Ну, я не помню, она там рассказывала медленно, как он прощался с матерью, вот. Отца больше он не признавал и не знал, а с матерью... ну, мать – она... Я не помню, если б я мог всё запомнить... самое главное помню.

МТ: А вот Вы притчу хотели рассказать.

АК: Он рассказывал притчу, вот он... почему он жил до 30-ти лет – он же...

[Конец стороны А]

Tul_05_027

19.07.2005. г. Тульчин.

Инф.: **Крупник Аркадий Гершкович**, 1933 г.р. Ямполь, в Тульчине с 1956 г.

Соб.: С.Егорова, Ю.Мягкова, М.Трескунов.

[Сторона В]

АК: Две женщины поспорили между собой. И пришли к нему, говорят: «Вот скажи, как ты считаешь...», одна говорит, что это ее ребенок, а эта говорит, что это ее ребенок. Вот. И как ты считаешь, кто... поступить? Одна... ця вырывает ребёнка и ця вырывает ребёнка. Как там было, я не помню... вырывает ребёнка. Он говорит: «Так. Я не могу вам сказать. И она права, и она права. Я приказываю... я говорю пойти к судье, пусть скажет, чтобы отрубили ему голову. Уходите». Так та женщина, которая... кинулась – нет, не надо, пускай она забирает, но лишь бы чтоб он жил. Он говорит: «Вот, это твой ребенок». Потому что родная мать – жалко, той безразлично, она ничего не сказала, а цей жалко ребенка, пускай он живет, пускай будет у нее, но пускай живет.

МТ: А еще что-нибудь вспомните.

АК: Это надо ж время. Это не просто так, надо посидеть, подумать, сто грамм выпить, чтоб мозги очистились, все вспоминается.

МТ: Хотите вечером?

АК: Да, нормально. Я так думаю, можно было бы вечером посидеть, выпьем, закусим, поговорим. Не восстанавливается, понимаешь?

ЮМ: Может быть, песни Вам какие-нибудь бабушка пела?

АК: Конечно. Вспомнить только... вот если я выпью, я даже пою по-еврейски.

МТ: Отлично. Тогда придем.

АК: Что ты смеешься? Я пою даже по-еврейски. Я хорошо выпью, и по-еврейски – всё, открывается разговор. Я все запомнил из прошлого. Вот такая песня:

бешатн бешатн ги коммен цу майн либен
де готтен дер момен айн ши де хрибн
готн геретн геретн зи бицитн дер

машка ран ги мишт. Это смесь русских и еврейских... машка... Машка – это водка.

МТ: Машка – это водка.

АК: Говорил я, говорил, до тех пор, пока водка не вмешалась.

ЮМ: Это бабушка Вам пела?

АК: Нет, это я уже просто вспоминаю, когда... до 50го года...

МТ: А вот, может, колыбельные какие-то помните, то, что Вам пели тогда?

АК: Не. Я говорю, если я выпью, то, может быть, вспомню.

МТ: А какие Вы пословицы, помните то, что мама говорила по каким-то случаям?

АК: Не знаю. Не помню. Конечно, пословиц было много, потому что... мать дала, то у тебя осталось в памяти, но... они воспринимаются по-разному.

МТ: Может, какие-то проклятия. Знаете, как-то вот про плохих людей говорили...

АК: Да, проклятия были. Ну... в каком смысле проклятия? Ты знаешь, что еврейские проклятия – они ж страшные. Они страшные проклятия, да. Я не... надо вспомнить. Я выпью, сегодня вечером сядем, посидим, выпьем, я вспомню. Но очень... у евреев было очень запрещено проклятие. Очень запрещены проклятия. Они верят...

МТ: Только в крайнем случае...

АК: Они верят в то, что это слово может исполниться. Поэтому проклятия очень... я помню, мои родители только могут ударить, и то не всегда, а чтоб проклятие было... как только, допустим, проклятие хочет выйти изо рта – сразу они закрывали рот. Да! такое было.

МТ: А вот что-нибудь в детстве слышали про чертей?

АК: Нет.

МТ: А шейдим?

АК: Как-как?

МТ: А шейдим.

АК: А шейдм?

АК: Нет. Вообще вопрос... о чертей вообще не говорили.

МТ: Не было такого, что ночью нельзя на улицу выйти, что черт схватит...

АК: Нет. Ну... как на улицу - на улицу что, знаете, там нечистые силы ходят и тому подобное, вот в таком духе говорили, а чтоб чертей, как слово – такого нет. Даже по-еврейски...

ЮМ: А домовые были?

АК: Нет.

ЮМ: А про покойников были какие-то истории?

АК: Про покойников да.

МТ: Вот расскажите.

АК: Ну в том смысле, что вот если ты будешь плохо себя вести, и тому подобное, придут с того света... не говорили «покойник», а с того света

придут, и если ты сделал ему плохо, то, значит, тебе... как бы напугает тебя и тому подобное, а это наводило страх. Ну, дети ж. Но чтобы, допустим, чер... а чертей вообще не было. По-еврейски я даже не знаю, есть ли слово «черт». Нету, по-моему, слова «черт».

МТ: Вот шейдим.

АК: Шейдем?

МТ: Шейдим. Не слышали такого?

АК: Не слышал.

МТ: А вот свадьбу видели еврейскую?

АК: Конечно.

МТ: Вот расскажите, как было. Или опять надо выпить? (смеется)

АК: Понимаешь, когда выпьешь – ну как... когда выпьешь – есть связка слов, можно украсить, можно красиво рассказать... Есть пределы разумного выпить... Можно напиться и вообще, а тут просто ты... Для чего люди пьют? Пьют для того, чтобы можно было легче пообщаться. Так ты стесняешься, как-то подбираешь слова, чтоб не так... а когда ты выпьешь – ты себя свободно, у тебя мысль льется, восстанавливается, идет подсознательное движение, то что...

ЮМ: Ну расскажите про свадьбу.

МТ: Ну расскажите, а потом еще и украсите. Про свадьбу.

АК: Самое интересное в свадьбе еврейской – это когда идут под балахоном. Это самое такое интересное. Тогда, собственно, называется середина... это когда идет как бы венчание, это венчание называется. Под балахоном. Вот когда ты идешь, вот тут тебе все пожелания звучат, и всё – это все выражается. Поэтому говорят: давай договорим до тех пор, пока мы с машкой не мешалось, а це... машка получается как бы кушали до венчания, так оно (прзб.), кто-то выпил, посидели – всё для веселья, и вот это веселье именно запоминается, когда идет этот, и все кричат, и все, значит, благословляют, и желают, и все остальное – вот это...

МТ: А шли по улице?

АК: Не, не по улице. Ну, где двор, где собирался...

МТ: А вот именно шли или стояли?

АК: Шли.

МТ: Шли, да? И вот под балахоном это всё...

АК: Да. Не стояли. Не стояли. Ну, встали, потом под нее, там какое-то время, ребе там благословлял, и, значит, это сам по себе праздник какой-то был. И вот они идут, и тут их все поздравляют, все кричат, и пожелания, и...

МТ: А что кричат?

АК: Ну по-еврейски же...

МТ: А что?

АК: Ну поздравляют их. Желают им много лет, и тому подобного...

МТ: Ну как говорят?

АК: На каком языке?

МТ: На идише.

АК: Аф идиш, что ли?

МТ: Ну как говорят?

АК: Мозл тов, или шось такое вот.

МТ: Ага. Так.

АК: Ну много говорят, ну чё, вот они уже поженились, значит, мозл тов, слава богу. Это уже...

МТ: А вот шли с... шли с балахоном или стояли под балахоном? Или и шли, и стояли?

АК: Четыре палки были, балахон – это как бы, ну... как бы палатка, четыре человека несли, а они шли в середине.

МТ: А мужчины и женщины вперемешку шли, или отдельно мужчины, отдельно женщины идут?

АК: Отдельно шли. Как бы (нрзб.) идут.

МТ: А кто впереди должен идти?

АК: А я не помню, кто. Ну, родители, наверно, да, родители идут, и ребе идет, и все остальные – они идут впереди, он их ведёт. Он их не то... он их ведёт! Я ж забыл запомнить... Они держат платок, но он идет впереди, ребе, и как бы они идут за ним. И он их водит.

МТ: А, ребе в... А они держатся за платок?

АК: Да.

МТ: Вот еще раз, я не понял. Муж и же... невеста и жених, да?

АК: Ну, молодые. Молодые которые идут, они там одетые, он их держит за платок, и он его...

МТ: А, ну вот так как бы... как шарфом, да, их тянет?

АК: Нет, они держатся...

МТ: Они держатся, да?

АК: Они держатся руками вдвоем, а как бы этот платок как бы так шёл между левой рукой и правой, так как бы соединял их всех этим одним платком, они за него держали, ну как бы, ну один конец и второй конец, а два конца держит ребе, и он идет, и благословляет, и говорит, и тому подобное, они идут за ним, и все остальные уже...

МТ: А как – по кругу?

АК: Ну он по кругу их водит, ну я не помню, ну, может, по кругу какое-то расстояние там, 20 метров, 30 метров, туда, и по кругу, для того чтоб все гости увидели и чтобы все гости...

МТ: А-а. А гости стоят, да?

АК: А гости стоят, конечно.

МТ: А-а, вот так вот. То есть все гости стоят, а он их водит, да?

АК: Ну он их водит, ему дают дорогу... ему дают дорогу, чтоб он их повел по всем, как говорится, закоулкам. Он их подводил к каждому углу, дому, понимаешь, чтобы это все как бы сладилось. Ну, насколько я помню.

МТ: А музыка была?

АК: Нет.

МТ: Не было музыки?

АК: Нет. Пели только.

МТ: А помните, что вот обычно пели? Вот когда ведут именно.

АК: Не, я не запомнил, конечно.

МТ: Ну что-то все время одно и то же?

АК: Нет. Разное. Ну знали, допустим, когда они подходят под балахон, когда он их... он их тоже заводит под балахон! Ребе заводит их под балахон, они заходят туда, и в это время, значит, идут одна песня какая-то, когда (нрзб.) – другая песня. Поют.

МТ: А интересно, не было... вот не было клейзера? Клеймерин?

АК: Нет. Насколько я помню, нет. Не играло. Во время венчания не играли.

МТ: А потом?

АК: Потом – да. Потом приходили. Потом – да, клейзеры были обязательно.

МТ: А было такое, что в какой-то момент надо было что-то разбить?

АК: Да.

МТ: А что, расскажите.

АК: Вот я не помню, что. Но что-то разбивали обязательно. Перед ними. Перед ними разбивали... не помню, что.

МТ: А кто разбивал?

АК: Кто разбивал? Родители.

МТ: Родители, да?

АК: Да. Родители. По-моему, что родители.

ЮМ: А зачем это делали? не помните?

АК: Ну, это считалось для счастья. Чтобы все неприятности на куски разошлись, понимаешь? Разбивали, чтоб ничего не было. Ну так, насколько я понимаю, что-то разбивали. Но сейчас же то же самое сохранилось – выпил бокал и разбил его, чтобы всё, несчастье...

МТ: А дети что делали?

АК: Дети бегали, кричали, играли – что дети?

МТ: Ну должны были дети там что-то делать специальное?

АК: Ну, это специальная была какая-то группка, были дети, которые были одеты специально для этого дела, ну я в этом лично не участвовал, но я видел. Они как бы сопровождали, это вот как бы была традиция, для того чтобы у вас было много детей. Дети – ваше, наше будущее и тому подобное. Ну, тогда же были 10-12, у моей мамы было шестеро, а уже у отца было восемь детей. Ну, у деда. А мы жили в Зубовке, в Ямполье, там 12 километров от Ямполья. Тоже считалось еврейское село.

МТ: Да, да. Местечко.

АК: Да.

МТ: И что – вот закончилось вот это самое... хупа, да, называлось?

АК: Да. Хупа, да.

МТ: Так, и что потом происходило?

АК: Я не помню, я не знаю, что дальше. Ну что дальше – дальше ж свадьба продолжалась. Кунаих(?), и, по-моему, их заводили в комнату, вот, они туда уходили, и, в принципе, на свадьбе почти что не присутствовали. Понимаете, у меня такое впечатление. Да, молодые. Там бегали... только

женщины бегали, что... мы не знали, что. Но они, в принципе, не присутствовали. Да, так как получалось, ну, насколько я помню, мы их не видели, вот зашла в **купы**, вот они все... это тоже ведь длится часа 3-4. Часа 3-4 длится это дело, это не так быстро. Ты думаешь, там пошла, там 10 минут – и они свободны? Это все длилось, их водили, говорили, желания, это всё идет... пока ребе там всё выскажет... Ну, венчание как бы происходит. А потом их не было видно. Самая большая свадьба была на 2-й день.

ЮМ: Два дня праздновали?

АК: Да. А первый день это вот... это было вот это самое... вот. А на 2-й день было самое интересное, потому что там уже они свободны, уже присутствовали все...

МТ: А в тот же день, когда была хупа, устраивали какой-то пир? Столы накрывали?

АК: Да, да, да.

МТ: Но основной устраивали на 2-й день?

АК: На 2-й день. Да. Первый день – ну первый, ну тоже был, но я его не помню, по-моему, столов даже не было. Значит, как бы там... как американцы – стоят там столы, хочешь – возьми.

ЮМ: Фуршет?

АК: Да, фуршет такой был. Ну, тыж... в то время ж не напивались, рюмочку выпил, взял себе, закусил...

МТ: А кто готовил свадьбу?

АК: Ну, специальные были повара, которые этим занимались.

МТ: А это все время одни... обычно это были одни и те же женщины, которые...

АК: Обычно это да, потому что они считались хорошими поварами, они умели готовить, они знали, как это делается по еврейским... все блюда, всё, да, были специальные люди, которые этим занимались. Такого... со стороны никого не было. Надо было флудн спекти, то пекти, лейкех и все остальное, должны были сладкое сделать, всё...

МТ: А вот были какие-то блюда, которые только на свадьбу готовили?

АК: Да, есть специальные традиционные.

МТ: Только на свадьбу?

АК: Да.

МТ: Вспомните, какие?

АК: Например, флудн. Знаешь?

МТ: Это сладкое.

АК: Это сладкое, да. Это традиционно свадебный. Лейкех – это тоже сладкое, это две... два блюда, которые обязательно должны быть на свадьбе. Вот даже когда гости уходят домой, не попробовали, каждому дают домой, с собой, чтобы они... Именно флудн и лейкех – это в первую очередь. А вы не кушали флудн никогда?

МТ: Я кушал.

АК: Ты кушал? Это самое вкусное блюдо.

ЮМ: А из чего это?

МТ: Скажите рецепт.

АК: Рецепт пожалуйста, я скажу, я даже могу полностью рецепт вам дать, я возьму у жены, жена и сейчас готовит. Ну, тесто, обязательно должно быть вишневое варенье, лимоны, там, потом туда... делается фарш, фарш делается, крошки должны быть сухие, белого хлеба должны быть крошки, специально сушат хлеб, и размеливают, чтобы это были крошки, и это все смешивается в фарш, лимоны, вишневое варенье и все в тесто закатывается. Ну, я не помню полностью весь рецепт. И в печку, либо в духовку суют, обычно в печку. Это традиционно были, флудн и лейкех – это традиционно сладкое, без разговоров. Если этого нету – не считалось, что это свадьба. Но я вам рецепт скажу. Вы долго будете здесь? Ну, заходите. Я скажу, пускай жена мне спечет.

(смеются)

МТ: Хорошо. И что, вот давалось гостям с собой, да?

АК: Это дава... Ты мог и там кушать, но когда ты идешь домой, то давали самое вкусное, считалось флудн и лейкех, вот это – кусочек флудна, кусочек лейкеха. Лейкех знаете, что такое?

МТ: Да, конечно. Бисквит такой.

АК: Бисквит, да. Такой чистый. Чистый, никаких смесей не должно быть, чистые яички, он должен быть желтого цвета, без разговоров.

МТ: У меня бабушка делала.

АК: Да. И это всё...

МТ: А вот я слышал, что было еще какое-то мясное блюдо, там что-то заворачивали... вот тоже чисто свадебное.

АК: Да, есть такое, да...

МТ: Как называется, не помните?

АК: Я не помню. Не знаю... с мясного... по-моему, там было не просто так у нас готовят что курицу, нет она не так... а вот это приготавливали специальное мясо, оно было кошерно должно было быть, и всё, понимаешь, сделано аккуратно, всё чисто. Но я не знаю, как оно называется.

МТ: И вот то, что на второй день – это с музыкой?

АК: Да.

МТ: Танцевали?

АК: В этом же вся суть.

МТ: Расскажите.

АК: В этом же вся суть. Первый день – это, по сути дела, нет возможности такой. Это пока все это длится, пока все люди собираются, потом это все в горячке... Их... Я ж сказал, я не видел, чтоб жених и невеста, после того, как они ушли – их не было. Они уходили – я не знаю, спать или обниматься, это ихнее дело, но они не появлялись. Так мне кажется, потому что я их не видел. А второй день – они все присутствовали. И идет чисто веселье.

МТ: А вот были какие-то особые танцы, которые кто-то с кем-то должен был станцевать?

АК: Да. Как его... Ну вот этот танец именно на 2й день – это танец жениха и невесты. Танцуют с платочком. Носовой платочек, держит каждый за кончик, и все должны танцевать. Вот. Потом существовал танец... ну это вот чисто по-еврейски танцуют, это очень красивый танец. Потом был танец такой – менялись пары. Вот я не знаю, как он называется, пары менялись, пары. Четыре пары танцуют, тоже крест-накрест они танцуют, и они потом меняются... ну, обычно... ну, как бы... Мужчина меняется с женщиной. Все время, весь танец. А танец длился полчаса. Да. Потому что очень много фигур, много позиций, понимаешь? И вот он меняется с ней и так, и сяд, кто... каждый из них должен перетанцевать поменяться между собой. Танцуют один против другого... ну, не расскажешь так. Это ж всё... чисто на еврейскую музыку, все па, это делается...

МТ: А было такое, что ребе танцевал?

АК: Нет. Я не видел.

МТ: Не помните такого.

АК: Не помню. Ну в то время я не помню.

МТ: А вот родители жениха и невесты как-то...

АК: Конечно, какие разговоры?

МТ: Ну вот был какой-то специальный танец, когда, скажем, папа жениха должен был станцевать с мамой невесты.

АК: Ну так я ж тебе рассказывал, вот этот танец, начинает вот этот танец на четыре пары – это и есть танец жениха... родителей. Эти родители танцуют с этими, и танцуют жених с невестой, и самые близкие... допустим, брат или (нрзб.) если только женщины – они танцуют. Это первый танец, он начинается. А потом, значит... ну, я ж говорю – полчаса длился танец. Это не просто так. Оттуда выходишь уже готовый. Ну... Попробуй полчаса потанцевать. А потом уже начинает... ну тогда это ж... сначала было так – танцевали эту пару, а потом уже эти танцуют здесь, а те танцуют там... без разницы. Но начинали вот это.

МТ: А вот как... Расскажите, как это все начиналось. Значит, вот гости приходили... Музыканты где стояли? Музыканты встречали гостей?

Илеанигнес...

АК: Нет, не встречали, по-моему, не встречали. Не было таких, допустим, маршей, чтобы встречали гостя, нет.

МТ: А подарки дарили?

АК: Конечно.

МТ: На какой день – первый или второй?

АК: По-моему, 2-й.

МТ: Во второй, да?

АК: В 1-й день были поздравления, и тому подобное, там, может, цветы были... По-моему, подарки в 1-й день не давали. Вот это ж ты понимаешь, традиция, самые близкие родственники, хотят показать, 1-й день... по сути дела, они еще не считаются мужем и женой, потому что их еще не повенчали, а вдруг они еще (нрзб.), а подарки получают (смеются) А когда уже повенчаны,

они уже муж и жена, вот тогда да – приходят богатые родственники, дарят мерседес... Свадьба не состоялась – верните подарки!

(смеются)

МТ: А был какой-то момент, когда дарили подарки? Вот именно момент, там, я не знаю – музыка останавливается или, наоборот, начинает играть что-то там такое специальное, и вот все идут с подарками. Было такое?

АК: Да, это... это красивый момент, это не просто для одного, наступает момент, когда надо дарить подарки, и каждый, кто идет дарить подарок, объявляется, вот такой такой-то, хочет поздравить вас, и тому подобное, музыка играет, они идут, и танцуют, понимаете, не просто так идут - они танцуют!

МТ: Они с танцем идут, или они дарят, а потом танцуют?

АК: Нет, они идут до... они... играет музыка, они...

ЮМ: Идут пританцовывая...

АК: ...они по заказу, всё по заказу делали. Ты мне сыграй, что ты хочешь, ты мне сыграй, что... заказывали. Не просто так. Кому нравится эта мелодия – вот он...

МТ: А что дарили?

АК: Что дарили... что было тогда, то дарили.

МТ: Ну как было принято – деньги больше дарить, или...?

АК: Подарки.

МТ: Подарки, да?

АК: Да.

МТ: И что – вот показывали, всем объявляли...?

АК: Обязательно! Он должен был показать, что он дарит!

МТ: Ага. И считалось как бы таким... что круто подарить что-нибудь большое?

АК: Ты понимаешь, у каждого человека это любопытство, он хочет показать, что он... чтобы все видели, что он подарил. Да, это ж...

МТ: А вот какая-то очередность была – кто должен первым дарить подарок?

АК: Первым кто должен дарить подарок? Самые богатые.

МТ: Вот так, да? Самые богатые идут первыми. И все знают, кто самые богатые, никому ничего не надо доказывать?

(смеются)

АК: Ну конечно. Ты понимаешь, я тебе объясню, в чем дело – дело в том, что не каждый может музыку заказать, средств нету... а допустим, там...

МТ: А это музыкантам надо было заплатить?

АК: Ну да, музыкантам надо было заплатить, и он хочет эту музыку, когда он будет идти. Вот, он (нрзб.) самый богатый. Объявляют, что такой-то такой-то, близкий родственник, такой-то, хочет поздравить молодых с... свадьбой, и тому подобное - всё, уже никто не может ничего, музыканты сами...

МТ: А это вот Вы рассказываете про какое время? После войны или до войны?

АК: До войны.

МТ: А музыканты были еврейские, разумеется?

АК: Конечно.

МТ: А как они у вас назывались, такие музыканты?

АК: Ну кейзмер, как они назывались...

МТ: Кейзмер. Ага. И где они... а было еще что-то, где они играли, или только на свадьбах?

АК: Не, ну... мало ли что. Все зависело от состояния человека.

МТ: То есть куда пригласишь – туда придут?

АК: Да. Ну, допустим, кто-то хочет именины отметить, кто-то хочет отметить 25 лет, мало ли что. Все зависит от средств. Если ты... тебе средства позволяют – так ты нанимаешь, нет – так...

МТ: Так, и что дальше? Вот, значит, танцуют... дарят подарки... есть еще какие-то моменты в свадьбе, про которые Вы не сказали?

АК: Надо вспомнить, надо... машку (смеются) это где-то заложено, но надо... вынуть.

МТ: А был какой-то момент, когда ребе говорил какой-то тост? Тосты говорили вообще, кстати?

АК: Тосты говорили, да.

МТ: А как это было что музыка останавливается...

АК: Ну конечно.

МТ: и говорили, что такой-то такой-то ...

АК: Вот когда он подходит уже дарить подарок, в это время музыка прекращается. Все должны слушать, что он говорит, и все должны видеть подарок. Я тебе объяснял, что подарки открывали и показывали. Это же, как сейчас говорят: дал конверт, а он пустой (смеются) Все должны были... это именно торжество в этом заключается. Ну, ты понимаешь, тогда не делались такие большие свадьбы, как сейчас, делали небольшие свадьбы – только близкие родственники, человек 50-60, понимаешь? Народу собиралось много, все хотели посмотреть, вокруг забора стояли или во дворе, они в принципе не участвовали в свадьбе.

МТ: А как было принято – родственники приезжали из других мест?

АК: Конечно.

МТ: Где останавливались?

АК: Были гостиные дворы. Останавливались или у родственников, или где там... Ну я тебе скажу, что по такой традиции (нрзб.) Это сейчас по любви женятся, а тогда никого не спрашивали. А тогда так (нрзб.) чтоб вы были влюбленные один в другого – мы не могли так пожениться. Должны были согласовывать. Сваха должна была прийти, посватать его...

МТ: А как это называется?

АК: Я не знаю, как она называется...

МТ: Ну, когда знакомят?

АК: Я ж тебе говорю, что они были близко знакомы, все один другого знали, но все равно должен был присутствовать как бы посредник. Он как бы считался свидетель, посредник, за что он получал деньги, за то, что сводил их, обговаривали условия свадьбы, сколько за невесту дают денег, понимаешь, это все в присутствии этой свахи.

МТ: А вот было такое, после того, как договорились уже родители жениха, что тоже нужно было устроить такое небольшое торжество?

АК: Ну конечно же.

МТ: Как это называлось?

АК: Вот я тебе пел песню же об этом. **Бешах де шрацкен гекоммен цу май зейден, (нрзб.) меда момен а шедех рейден...**

МТ: Это как-то называлось, когда уже договорились и садятся за стол...

АК: Вот это сейчас говорят, что составляем договор между женихом и невестой, на... Тогда тоже договор, без договора... пускай он был устный, но все равно был договор... Что родители брали на себя обязательство содержать их...

МТ: Это как помолвка?

АК: Да, помолвка. Содержать их, допустим, год, два при себе. Они не отпускали их сразу. Они должны были их принять, вместе с ними кушать, вместе с ними...

МТ: А жили вместе?

АК: И у них жили, да.

ЮМ: А у каких – у родителей жениха?

АК: Да. Не, у родителей... невесты.

АК: Ну, они... это договор составлялся, **(нрзб.)** письменный, устный или письменный, но они должны были... они давали слово, вот он должен был их содержать, дать им специальность, устроить их на работу. А потом вы можете идти на свои хлеба. Это не просто отпускаем на свои хлеба, а должно быть... ну, я тебе скажу... почему это делалось, я так понимаю - это делалось потому, чтобы закрепить семью. Понимаешь, как – вот взяли, выгнали, всё, вы женились – идите себе, квартиры нету, работы нету, не на что питаться – и семьи распадаются. А тогда не имели права разводиться, всё, поженился – это пожизненно. Вот. А для того, чтобы... понимаешь, психология у людей разная, мог кинуть, уйти – иди, говорит, ну, не считается – а записи только были у ребе, было записано, что такие-то такие-то поженились.

МТ: А вот было такое, что когда делают помолвку, то тоже что-то надо разбить?

АК: Я не помню.

МТ: Вы не помните... были когда-нибудь на таких помолвках?

АК: Нет, ну я что помню... я не помню.

МТ: Вам только рассказывали?

АК: Да, по рассказам... по-моему, что-то били... по-моему, тарелку били.

МТ: О, о! Тарелку. Все правильно.

АК: Ну, я говорю - по рассказам, я сам не знаю. А тогда тарелки считались ценностью большой, всё в деревянных мисках кушали, деревянное было все, а именно свадебное...

МТ: То есть чтоб уже было жалко отказать...

АК: А вдруг не получится?

МТ: Уже разбили тарелки, вы чего?...

АК: Да, да. Это мы сейчас знаем, что это вот...

МТ: А вот не знаете, раньше записывали договор или так, устно договаривались?

АК: Как кто хотел. Если жених попадался умный, он говорит: письменно, а то ты меня завтра выгонишь. Он же на полном обеспечении тестя находится, на полном обеспечении. Питание, одежда – два года... как они договорились - два года, три года. Самое меньшее – это год, меньше года он не имел права, чтоб их держать. Год он должен был содержать их: кормить, поить их, одевать – он придерживал их. У них забот не было, понимаешь? А кинется молодежь сейчас – заботы все, денег нету, работы нету, квартиры нету, ничего нету... ну, собрал со свадьбы денег, их все равно не хватит на квартиру. Это сложно. А в договоре написано, что он должен после двух лет обеспечить квартирой, и обеспечить... дать им специальность, научить, он заставлял, допустим, жениха, чтоб... ну, женщины не работали, а заставлял жениха, чтоб он лучше ходил, учился, обычно они все старались, конечно, иметь специальность – сапожник, портной, ну... це, ну... манухен и маниха... Ты знаешь, что такое мануха по-еврейски?

МТ: Работа.

АК: Специальность! Специальность. Це мануха. А малиха, если ты имеешь хорошую специальность, значит, ты – отдельное государство!

МТ: Да, да. Мануха малиха, так говорят, да? Красиво... А вот я почему про свадьбу спросил – потому что это Вы наверняка видели. И есть еще вещь, которую Вы наверняка видели – это похороны. Это не так весело...

АК: Ну, если по-традиционному – вообще никто не присутствовал.

МТ: Как?

АК: При похоронах. Во-первых, в гробах не хоронили до войны. В гробах не хоронили, а заматывали, как бы делали мумию... мумию делали.

МТ: А как это называлось, то, что заматывали?

АК: Я не знаю, как оно называется, не знаю, как оно называется, но, конечно, это все делали... были специальные люди, которые ходили, мыли всё, мумию делали...

МТ: Мыли дома? Или куда-то носили?

АК: Дома, дома.

МТ: А Вы видели, как моют?

ЮМ: А воду потом куда девали?

АК: Я не знаю, куда... ну конечно, куда-то выливали. В специальное место, она не должна была быть... Но суть не в этом, суть дела в том, что мумию делали и хоронили на 2-й день.

МТ: На второй или в тот же?

АК: По-моему, на второй день. По-моему, на второй... потому что надо было подготовиться... некоторые не ходили... ну, приходили родственники там, на мумию только смотрели, всё. Никаких цветов – этого не было. Допустим, наступило время, допустим, в 11 часов - были специальные люди, подбирали это вот самое... эту мумию на плечи, никто не сопровождал...

МТ: На чем несли?

АК: На руках... на плечи. Мумию... и просто завернули и...

МТ: А как ходили – шли или бежали?

АК: Быстро шли, быстро, так быстро шли – всё. Вышли из дома, и как бы бегом бежали.

МТ: А почему?

АК: Ну так я говорю – быстро надо...

МТ: Такая традиция...

АК: Я не знаю, почему, но мне кажется, что... просто всё... всё! Ты ушел в другой мир, ты уже не наш.

ЮМ: А с кладбища тоже бегом возвращались?

АК: Ну, эти люди, которые... надо было засыпать могилу, всё, отметить, где что... ну там всё, допустим, 10 человек, и больше никто не ходил!

МТ: Да?

АК: Никто не ходил.

МТ: А самые ближние родственники?

АК: Никто не ходил.

ЮМ: Они дома...

АК: Да, они могут и на второй день, когда уже могила есть...

ЮМ: А поминки были?

АК: Конечно же. Поминки устраивали...

МТ: Устраивали поминки?

АК: Да.

МТ: В тот же день? [ЮМ: Столы накрывали?]

АК: Нет.

МТ: А когда?

АК: Это отмечалось через год.

МТ: А как это называется? Годовщина... **юрцех**?

АК: Я не знаю, как она называется...

МТ: То есть поминки только через год?

АК: Через год. Почему через год – они через год потому что, понимаешь, если, допустим, земля оседает, тело, допустим, разрушается – и земля осела. А если ты поставишь сразу памятник – так он упадет, бывали случаи.

МТ: А вот поминки и когда ставили памятник – это один д... в тот же... в то же время делали, да? вот поставили памятник – сделали поминки? Или как?

АК: Я не понял, какие поминки?

ЮМ: Сначала памятник ставили, а потом поминки?

АК: Я не понял, что вы имеете в виду.

ЮМ: Вот памятник ставили через год?

АК: Да.

ЮМ: И как ставили памятник – организовывали поминки, да?

АК: Ну да. Ну не такие, как сейчас, допустим, делают поминки – давно так не отмечалось, просто собирались самые близкие, посидели, поговорили... не пили. Какие-то воспоминания там, закуска, такая традиция была, покушать что-то...

МТ: А вот если умер – не про нас будь сказано – близкий родственник, то что надо делать? Там есть какой-то траур? Что-то нельзя, там надо... я не знаю, во что-то одеться...

АК: Понятное дело. Ты, по-моему... 7 дней не должен бриться, бриться не должен, это запрещено, соблюдать пост...

МТ: Пост даже?

ЮМ: А пост какой?

АК: Ну а как... кушать надо не все. Я не знаю всё, там же есть... пост – ну, значит, не жирное, такое вот... не могу даже точно сказать.

МТ: Из дома можно выходить?

АК: Да, можно выходить. Только бриться нельзя. Бриться, мыться нельзя, зубы чистить...

МТ: А было такое, что сидят на чем-то специальном? Не на обычном стуле?

АК: Нет. Может быть, где-то у больших богачей имелись специальный стулья... я говорю об обычных людях.

МТ: А нет такого, что в носках ходят дома?

АК: Да. В носках ходят. Это... заходишь, если покойник был, ты должен только в носках.

ЮМ: А сколько времени?

АК: Ну, 7 дней это длится...

МТ: А вот когда умер покойник, то в доме что-то надо сделать?

АК: Конечно, надо что-то сделать. Надо привести дом в соответственно... траур.

МТ: Как это делали?

АК: Ну, зеркала завешивается, зеркала завешивается, никаких на столах не должно быть материала никакого – знаешь, у нас накрывали – не должно быть, чистые столы, полы, конечно, должны быть тоже чистые, ни ковров, ничего – все должно быть чисто. Насколько я помню...

МТ: А про воду... не слышали вот, что с ней делают, если вода была в доме, в ведрах, например, набрана?

АК: Да, пока покойника не вынесут, воду нельзя **начинать**... ей нельзя пользоваться.

МТ: Нельзя пользоваться. Выливают?

АК: Ну, не выливают. Выливают, когда покойник уже. Она сохраняется как бы... как говорили, что – ну, знаешь, дети бегали, хотят напиться – нет, нельзя! это только для покойников. Вот так объясняли. А тебе нельзя пить. Ну это как бы пугали детей. Нельзя пить, потому что ты тоже можешь умереть и тому подобное.

МТ: И вот когда покойника выносили, то воду выливали, да?

АК: Выливали, полностью выливали, и там полоскали эти ведра и все остальное, чтобы все было чисто. Высушивали, высушивали...

МТ: А только воду, или там если суп был – тоже выливали?

АК: Всё-всё-всё. К нему уже касаться нельзя было. Всё, что съедобное – всё должно быть...

МТ: А вот зеркала чем завешивали?

АК: Темными... Темными материалами или... платком каким-то завешивали.

ЮМ: А зачем?

АК: Ну тогда же не было много за... (нрзб.) зеркала, и то нет...

МТ: А это вот как-то мама вам объясняла, или бабушка, может быть – зачем завешивают?

АК: Как они объясняли – чтоб покойник не убежал через это. Так объясняли детям. А зачем ты завешиваешь, а мне надо посмотреть, - а чтобы покойник (нрзб.), он не видит зеркало.

МТ: А вот на глаза покойнику клали что-то?

АК: Да. Камни.

МТ: Камни клали? Или черепки?

АК: Плоские. Плоские камни или черепки, но... у нас я только помню, у нас же там речка, такие плоские, гранитные – вот их ложили на глаза.

МТ: А зачем?

АК: Чтоб не видел никого. Да, ну так объясняли – чтоб он не видел никого. Всё, ему закрыли глаза, он через них... ты что-то видишь через них? – нет? вот и он тоже ничего не видит.

ЮМ: А с собой что-то давали в могилу покойнику?

АК: Не, мне кажется, что ничего не давали. Вот чисто всё что есть. Заворачивали, как мумию делали. Заворачивали, так... ну, вы не знаете, раньше детей, когда родился ребенок, завязывали ноги, завязывали... ну такие, лента такая, как... как бинт, метров, наверное, 40-50, было намотано. Делали полностью... может быть, и чем-то заливали это все дело, замазывали, но я не знаю.

ЮМ: А голову оставляли?

АК: Всё! Подчистую!

МТ: А кто должен нести мертвого? Родственники могут, если захотят?

АК: Нет.

МТ: Или это, наоборот, нельзя?

АК: Нет, это специальная была группа, им платили за это дело, они должны были прийти, все это сделать, убрать, занести, ну, похоронная...

МТ: команда...

АК: Команда.

ЮМ: А хоронили как – лёжа?

АК: Стоя.

МТ: Стоя хоронили?

АК: Лёжа, конечно.

(смеются)

ЮМ: То есть Вы не слышали, что сидя хоронят?

АК: Нет, если такие, что стоя, да, но...

ЮМ: А для чего это делается? Почему стоя хоронили?

МТ: Да не, не стоя. Это ошибка.

АК: Я шучу.

ЮМ: Не слышали Вы, что сидя хоронят?

АК: Сидя тоже хоронили.

ЮМ: А для чего? Почему так?

АК: Я не могу сказать, почему так, но... я знаю, что сидя хоронят. Это... по-моему, это связано, насколько я помню, это связано с специальностью человека. Да, понимаешь, вот он **крейден**, он сапожник, он всю жизнь жил сидя, понимаешь, а тот, допустим, бегал всю жизнь... Это зависит от... Ты понимаешь, даже, может быть, это было связано с стоимостью земли, где хоронили. Может быть. Что, допустим, взять два на три, а что взять метр на метр, - закапывали, садили его... и уже мумию его делали сидячую.

МТ: А видели когда-нибудь?

АК: Я не видел, кто... мы ж боялись все, о чем ты говоришь.

МТ: А что, кстати говоря, что-то надо... а есть какие-то поверья, если встречаешь похороны.

АК: Есть, конечно.

МТ: Что надо делать?

АК: Вот потому евреев хоронят втихую и быстро, и никто... они бегут по отдельным дорожкам, бегут... чтобы не по городу, не... чтобы не... пробежали, чтобы ничего... чтобы не видели.

ЮМ, МТ: То есть это плохая примета?

АК: Плохая примета, да.

МТ: А что-то надо сказать, сделать?

АК: Наверное, что-то надо сказать, я на знаю.

МТ: А не слышали такое, что если вдруг колокольный звон услышат, когда несут мертвого, то его надо бросить? Ну, положить?

АК: Нет. Я не слышал.

МТ: А вот еврейское кладбище у вас как называлось? Было какое-то название?

АК: Конечно, было, но я вот не помню.

МТ: Я знаю, украинцы называют **окопоцьки**. А вот по-еврейски?

АК: Ну в принципе, так украинцы... так называли, но по-еврейски не знаю. Похоже на это...

МТ: **Ацел?**

АК: Апел. Да. Пел. Пел перевести на русский язык – это земля.

ЮМ: А где находилось кладбище?

АК: На горах. На возвышенностях.

ЮМ: А почему?

АК: Специально подбирали место...

[работает бензопила, ничего не слышно]

МТ: А почему, не знаете? Почему еврейское кладбище обычно находится на горе?

АК: Есть две версии. Две версии: на горах всегда песок, понимаешь, всегда на горах есть песок, (нрзб.) а в песке сохраняется лучше труп. Он там может долго пролежать... И есть вторая версия, что вот они всё равно за нами наблюдают. Специально, не все равно... они не расстанутся с городом, они всё равно, видят, наблюдают, ну, как говорится, все равно они выходят, родные приходят на кладбище, мы же просим: ты сбегай, бога попроси, для нас то-то и то...

МТ: А вот так говорят, да?

ЮМ: Вы просили у покойников?

АК: Ну как же, я, примерно, иду там, маму проведываю, и отца проведываю...

ЮМ: Что Вы им говорите?

АК: Я прошу сбежать к Богу, попросить, чтоб мои дети были здоровы, значит, я надеюсь, что они могут двигаться, могут...

МТ: А Вы по-русски говорите или на идише?

АК: По-русски. Да. Я не могу... Вот могу разговаривать, но не так... не подберу слова.

МТ: Ну вот так Вы говорите: сбегай к Богу, попросись...

АК: Да.

МТ: А вот бывают какие-то случаи, когда мертвые приходят?

АК: Я не знаю.

МТ: Когда они вот участвуют в жизни... живых.

АК: Нет. Я не слышал. У евреев я не слышал.

МТ: Что им надо поставить что-то там на стол...

АК: Это сны. Сны могут быть. Вот приснилось, что вот, знаешь, вот... «ты знаешь, мне протекает крыша», и тому подобное... Это же то, что не передашь...

МТ: И что надо делать?

АК: Ну, что значит? Значит, могила где-то протекает, понимаешь, надо пойти посмотреть или забетонировать, или, может быть, где-то дырка есть... всякое бывает.

МТ: А бывает такое, что мертвый приходит, просит, что-то ему не дали, не положили что-то ему в могилу...

АК: Ну это сны. Это же сны. Как ты хочешь... Он проснулся, а перевести то, что он видел, он не может – вот он может сам думать...

МТ: А вот мы слышали, что сейчас принято, чтобы мертвым там, если он плохо видит, то давать ему с собой очки, если он ходил с палочкой – то палочку класть...

АК: Ну, ты понимаешь, это не связано ни с какой традицией, это не связано.

МТ: Это не еврейское или еврейское вообще?

АК: Нет, это не еврейское. Я тебе скажу, если раньше... Сейчас хоронят евреев так само, как всех остальных. В гроб, все остальное, музыка играет,

проводят... Общее. По еврейским традициям сейчас же не хоронят. Мало ли что, жена там или близкие родственники говорят: а! положим ему палочку... Это чисто... индивидуальный подход.

МТ: А в какое время Вы ходите на кладбище обычно?

АК: В основном это в сентябре. Ну а так, если какие-то похороны, то ходишь то же самое и идешь уже заодно. И летом тоже ходишь, или весной... весной тоже ходишь. Перед пасхой, перед большим праздником...

МТ: А не слышали, что иногда делают свадьбу на пох... на кладбище?

АК: Нет, у нас так не делали.

МТ: Не слышали никогда, никаких историй не было?

АК: Это покой, там нельзя нарушать его.

МТ: А вот не слышали такое, что нельзя ничего выносить с кладбища, что если с чем-то пришел – то там надо оставить?

АК: Да.

ЮМ: А приходиться с чем надо на кладбище? Навещать покойников с чем?

АК: Ну, если так рассуждать, допустим, как он задал вопрос – если я иду, и у меня что-то в карманах – я должен все выбросить? это неправильно. Ну я несу, допустим, я несу свою кепку с собой. На кладбище надо **ходить с покрытой головой**. Я ж не кину там кепку.

ЮМ: А что покойнику надо приносить? Цветы...

АК: Цветы. Цветы приносят, больше ничего.

МТ: А слышали такое, что камешек кладут на могилу?

АК: У тебя нет камушка под рукой – что ты должен сделать? У тебя нет цветов при себе – что ты должен делать?

МТ: Камушек положить, да?

АК: Или камушек взять, поставить, отметку сделать, что ты пришёл, или оторвать траву за оградой, нарвать травы, [громко стучит молоток] я оставляю – это по-еврейски **а семен, а семен**, что я тут был, я отмечаю метку, что я был здесь. Кусочек травы выдрать...

МТ: А вот когда выходишь с кладбища, что надо сделать?

АК: Ничего. Только поворачиваться нельзя. Вышел с кладбища – всё, не поворачивайся, не смотри назад.

ЮМ: А если повернешься, то что будет?

АК: Ну, это традиционно... ну это просто говорят: всё, ты ушел, ты... всё, ты с ними распрощался. Ты не имеешь... ничего общего с ними не связывает тебя. Ну, люди ж суеверные все – не надо быть суеверным. Вот тебе сказали, что нельзя поворачиваться - ты будешь идти до... пока **(нрзб.)** кладбище – не повернешься... Может быть, ничего страшного нету, но мало ли что там? Вот ты идешь – все равно смотришь на ограду. Ты смотришь же... Но суеверие сильнее человека...

[Конец стороны В]